

М. Я. СЮЗУМОВ

НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Б. А. ПАНЧЕНКО

В продолжение более полувека со страниц исторической литературы по византиноведению не сходит имя Панченко. Несмотря на самую резкую, казалось бы, уничтожающую критику, с концепцией Панченко, с его аргументацией считается вплоть до нынешнего времени любой исследователь внутренней истории Византии¹.

О Панченко нет специальной монографии, однако потребность разобратся в том, какова роль Панченко в историографии Византии, очевидна.

Настоящая статья не претендует на исчерпывающий анализ всех спорных вопросов, связанных с его именем: она ставит целью внести ясность в круг тех проблем, которые связаны с оценкой научной деятельности Панченко, социальной сущности и политической значимости тех концепций, которые проводил в своих трудах этот византинист.

Биографические данные о Панченко в имеющейся литературе крайне скудны.

Борис Амфианович Панченко родился в 1872 г. в Петербурге. Учился в гимназии, которую окончил с золотой медалью; в 1894 г. был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию и командирован на два года в Германию. Из Германии его направили в Константинополь, где он был принят сверхштатным сотрудником Русского археологического института.

Первая работа, к которой он приступил еще будучи студентом, начала печататься в «Византийском временнике» в 1895 г.²

В Константинополе Панченко проявил кипучую деятельность. Он участвовал в проводимых Археологическим институтом экспедициях по Турции, изучал коллекции византийских печатей³, проводил топографические исследования по исторической географии Византии.

Серьезным исследованием являлась его статья о морской торговле в Византии по морскому закону, на который до того времени обращалось мало внимания; Панченко провел сличение положений Дигест и Морского закона о навклирах и доверенных лицах в морской торговле⁴.

¹ См. новейшие труды: А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960; Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки истории византийского общества и культуры VIII — первой половины IX века. М.—Л., 1961; Б. Т. Г о р я н о в. Поздневизантийский феодализм. М.—Л., 1962.

² Б. А. П а н ч е н к о. О «Тайной истории» Прокопия.— ВВ, II, 1895, стр. 24—25, 340—371; ВВ, III, 1896, стр. 96—117, 300—316, 461—527; ВВ, IV, 1897, стр. 402—451.

³ Б. А. П а н ч е н к о. Каталог моливдовулов.— ИРАИК, т. VIII, 1902; т. IX, 1904; т. XI, 1906.

⁴ Б. А. П а н ч е н к о. Βασιλικός πιστικός.— ИРАИК, т. VII, 1901.

В то же время в круг его исследовательской деятельности вошла проблема византийского крестьянства. В отчете о деятельности института за 1903 г. отмечено: «... и. д. ученого секретаря Б. А. Панченко закончил в отчетном году диссертацию под заглавием: „Крестьянская собственность в Византии. Земледельческий Закон и монастырские документы“. В ней он ставит себе задачей доказать, что история крестьянского землевладения в Византии должна быть построена на начале личной и наследственной собственности, а не на основе общинного, притом славянского, владения, как полагали до сих пор»⁵.

Этот труд⁶ произвел сенсацию и принес Панченко мировую известность. Речь шла не только об оригинальной концепции, но и о тех аргументах, с которыми спорить можно было только на почве самого углубленного изучения внутренней истории Византии. Последовало множество рецензий — как положительных, так и отрицательных, как в России, так и в зарубежных журналах⁷. С особенной непримиримостью к концепции Панченко выступил иеромонах Михаил. Панченко не реагировал на эти выступления и больше не возвращался к проблемам крестьянской земельной собственности. Он продолжал заниматься вопросами сфрагистики и эпиграфики; все больше и больше его интересовала работа в области топографии средневекового Константинополя, он стал составлять словарь древностей Константинополя.

В представленном институту отчете-плане будущих работ Панченко писал о намерении заняться вопросом собственности на участки в Константинополе крупных константинопольских землевладельцев-«капиталистов», которые застраивали город как на свои средства, так и в порядке казенных подрядов. Видимо, Панченко планировал перейти к проблеме земельной собственности городской столичной знати, основываясь на археологических и эпиграфических данных⁸.

Деятельность Панченко в Константинополе была прервана начавшейся войной 1914 г. Археологический институт был эвакуирован. Во время революции Панченко не эмигрировал. Весной 1920 г. на одной из станций Юго-Западной железной дороги он умер в больнице около 48 лет от роду.

Первый научный труд Панченко «О „Тайной истории“ Прокопия» представлял собою крупный вклад в науку. Молодой автор проделал колоссальную работу: для доказательства подлинности «Тайной истории» он проследил достоверность всех сообщений, приведенных в этом источнике, по данным новелл Юстиниана, сообщениям Лиды и в первую очередь по материалам других подлинных трудов Прокопия. Можно сказать, что как авторство Прокопия, так и достоверность большинства сведений «Тайной истории» показаны Панченко вполне убедительно. Основой политики Юстиниана Панченко считает борьбу правительства против аристократии, против патронажа, за количественное укрепление императорского землевладения. При этом, как считает Панченко, наблюдался своего рода союз низов с

⁵ ИРАИК, т. IX, 1904, стр. 420.

⁶ Б. А. Панченко. Крестьянская собственность в Византии.— ИРАИК, т. IX, 1904, вып. 1 (отдельное издание.— София, 1903, пагинация разная).

⁷ Кроме рецензии иеромонаха Михаила (ВВ, XI, 1904), наиболее интересные рецензии см. А. А. Васильев.— ЖМНП, т. 235, 1905, июнь; П. Мутафчиев. Сельское землевладение в Византии.— «Сборник за народни умотворения, наука и книжнина», т. 25, 1909. Критически анализировал концепцию Панченко и П. Безобразов в рецензии на III книгу Мутафчиева (ВВ, XVII, 1910). Благоприятно приняты были положения Панченко впоследствии зарубежными учеными (Г. Вернадским, Н. Константинеску, Г. Острогорским).

⁸ Ф. Успенский. Ученая деятельность Б. А. Панченко.— ВВ, XXIV, 1923—1926, стр. 100.

правительством против крупного землевладения⁹. В данном случае Панченко, безусловно, преувеличивал антиаристократические тенденции Юстиниана, всецело подчиняясь взглядам Прокопия. В чем же сущность антиаристократической политики Юстиниана? Панченко не вдавался в глубокий анализ, но мимоходом объяснял эту политику стремлением сократить силу сословных организаций. С этим можно согласиться: Юстиниан боролся с аристократией только постольку, поскольку традиционные организации аристократии препятствовали утверждению в Византии полновластия бюрократической автократии. Панченко говорил об упадке всех сословных организаций (кроме церкви) и считал, что их суррогатом стали цирковые политические партии: они заменили значение сословных организаций¹⁰.

При анализе данных «Тайной истории» Панченко обычно использовал новеллы Юстиниана и попал под влияние фразеологии этих новелл. Он (подобно Караяннопулусу в наше время)¹¹ серьезно верил в стремление правительства Юстиниана облегчить положение народных масс, плательщиков налогов (BB, III, стр. 492).

Однако Панченко считал, что законодательство Юстиниана вполне подтверждает обвинения «Тайной истории» в тяжести налогового обложения (там же, стр. 494). Признавая исключительную тяжесть для населения налогового обложения, Панченко стремился найти оправдание этому в колоссальных затратах, связанных с внешней политикой. В этом отношении попытки Панченко тоже созвучны с недавним трудом Караяннопулуса.

Следует отметить исключительную глубину анализа Панченко в определении смысла отдельных видов обложения. Об этом можно судить по его исследованию об «аэриконе». Относительно этого побора в литературе до и после Панченко выдвигалось множество предположений. После выпуска «Вазелонских актов» все эти теории отпали, кроме теории Панченко, который смог правильно понять смысл «аэрикона» как судебной пошлины, штрафа, который иногда мог переходить в постоянный побор с населения (BB, III, стр. 507—511). Панченко понял причину непопулярности денежной реформы при Юстиниане: вздорожание мелкой монеты тяжело отражалось на лицах, получавших жалованье золотом (там же, стр. 520).

Общий результат исследования «Тайной истории» сводится к тому, что авторство Прокопия неоспоримо и факты, приводимые Прокопием в его труде, вполне достоверны. Однако Панченко считает, что взгляды Прокопия отражали настроения оппозиционных кругов, оттесненных Юстинианом от управления империей (BB, III, стр. 302).

В конце своего труда, несмотря на признание достоверности основных фактов «Тайной истории» и полной осведомленности Прокопия, Панченко заключает: «Ему не уронить славную фигуру Юстиниана». Это очевидное противоречие можно вполне объяснить политическими симпатиями Панченко.

* * *

После опубликования исследований о «Тайной истории» Панченко выпустил «Каталог моливдовулов». Публикации текста моливдовулов он сопровождает краткими исследованиями, касающимися административной

⁹ В новелле Юстиниана о Каппадокии (XXX), по мнению Панченко, ясно видны общие интересы мелкого землевладельческого хозяйства и имений дворцового управления, направленные против бесчинства магнатов, захватывающих частные земли (BB, IV, 1897, стр. 408).

¹⁰ BB, IV, 1897, стр. 402.

¹¹ J. K a r a y a n n o p u l u s. Das Finanzwesen des frühbyzantinischen Staates. München, 1958.

системы Византии, печатей частных лиц (аргиропратов), корпорации хартуляриев и т. д. Большой резонанс в научном мире вызвала публикация печати начальника славянской колонии переселенцев, хотя чтение надписи, данное Панченко, спорно¹².

О политических взглядах Панченко мы не можем говорить с абсолютной точностью, однако обратим внимание на следующее. В. Г. Васильевский, признавая возможность отмены иконоборцами патроната, тем не менее писал: «Весьма невероятно, чтобы во время всеобщей неустойчивости населения... какой-либо законодатель, обладающий здравым смыслом, решился провозгласить, притом без всякого принуждения, что всякий может искать себе кров и землю, где хочет...» Панченко по этому поводу заметил: «Присоединяемся к замечанию глубокочтимого ученого о несвоевременности освободительных реформ в эпоху сильного народного передвижения, с той оговоркой, что Крестьянский закон не содержит указания на свободу перехода крестьян» («Крестьянская собственность...», стр. 52—53). В данном случае Панченко четко выразил мысль, которая стала потом характерной для умеренных консерваторов: сначала успокоение, потом реформы. Панченко не принадлежал к представителям кадетской печати, как многие ученые-историки того времени; подобно В. Г. Васильевскому и Ф. И. Успенскому, он придерживался весьма правых воззрений.

Чем объяснить направление научной деятельности Панченко?

Консервативные элементы русского общества, группировавшиеся под знаменами славянофильства, с умилением взирали на русскую общину, в которой видели оплот самодержавия, консервировавшего пассивность, забитость, культурное ничтожество народных масс. Но очевидные для всех вдумчивых наблюдателей действительности изменения в деревне свидетельствовали, что община не сможет уже оставаться оплотом самодержавия. Нужно было искать более прочную политическую социальную базу, которую и находили в кулаке. Провозглашая, что основой византийской автократии была крестьянская частная собственность, Панченко мог на примере Византии показать, что правительству нечего бояться падения общинных порядков в деревне: дескать, в Византии все время господствовала частная собственность, не было общинного землевладения, и тем не менее Византия оставалась автократическим государством. Панченко как бы историческим примером поучал консерваторов искать более прочного союзника в лице кулака. Это была позиция умеренных консерваторов, интересы которых позднее выразил Столыпин. И не случайно, что самым воинственным и непримиримым противником Панченко и сторонником сохранения общинного порядка оказался иеромонах Михаил, олицетворявший собой наиболее крайних консерваторов, которые впоследствии выступали против Столыпина с позиций черной сотни.

К революционным переворотам Панченко относился несомненно отрицательно: в них он видел прежде всего упадок законности и... культуры. Говоря об изменениях в имущественных отношениях VII в., Панченко утверждает: «Обычное право уклонялось от римского законодательства в силу упадка культуры и законности, в данном случае вследствие запустения земель и практики своевольного пользования собственностью, прежде строго охранявшейся» («Крестьянская собственность...», стр. 34—35). Порякая положение римского права о *superficies* и отклонения от этого права в Земледельческом законе, Панченко стоит на стороне собственника, а не труженика. То, что закон стал на сторону лица, затратившего труд, Панченко считает результатом упадка культуры. Применение этого закона

¹² Б. А. Панченко. Памятник славян в Византии.— ИРАИК, т. VIII, 1902.

могло бы, по его мнению, привести не к торжеству общинности, а к праву захвата.

Панченко очень мало останавливается на тех сведениях, которые Прокопий в «Тайной истории» сообщал о народных движениях. Это особенно бросается в глаза, поскольку некоторым данным об обложении или администрации посвящаются целые экскурсы. О восстании Фомы Славянина Панченко говорит глухо, хотя и признает, что оно носило социальный характер и что Фома поднял против императора Михаила простой народ во всей Малой Азии¹³. Но причины народных выступлений он объясняет не протестом против социального гнета, а «избытком живых сил у свежего населения на новой почве, производящим и отдельные личности незаурядных дарований, выдвигавшиеся из низших слоев населения на историческое поприще борьбы из-за власти и влияния» («Крестьянская собственность...», стр. 36). Такой взгляд характерен для Панченко как буржуазного исследователя, притом консервативных воззрений (отметим, что во время работы Панченко над изучением Прокопия русскому студенчеству хорошо были известны труды Петрушевского об Уоте Тайлере!). Монархические же симпатии Панченко обнаруживаются совершенно ясно в идеализации им личности Юстиниана.

Что касается методологического кредо Панченко, то, принимая во внимание его труды, можно полагать, что он был далек от новомодных в то время теорий Маха и Авенариуса. Как кажется, все философско-социологические теории для Панченко находились за семью замками. Он знал только документы юридические, хрисовулы, моливдовулы и памятники древности. Тем не менее мы вправе считать, что он стоял, сам того, может быть, не признавая, на позициях позитивизма. Его методы и выводы можно сопоставить скорее всего с методами и выводами Фюстель де Куланжа. Как и Фюстель де Куланж, Панченко стремится быть в стороне от существовавших в то время господствующих теорий, он ищет всегда аргументы только в прямых показаниях текста источника. В этом и сила ученого, и его слабость. Панченко старался всегда наиболее четко и возможно близко к дословному смыслу переводить источник. Когда он критикует понимание Цахариэ фон Лингенталем текстов Земледельческого закона, его аргументы убийственны. Но наряду с этим Панченко может всерьез принять, например, сообщения источников о любви париков к своим господам, побудившей их взять на себя налог, который должен был бы платить монастырь («Крестьянская собственность...», стр. 178); это выглядит поистине наивно для крупного ученого.

Содержание исследования Панченко о крестьянской собственности богачей: он дал объяснение целому ряду терминов, категорий крестьянства, отметил права собственности разных категорий крестьянства, соотношение податей, вносимых казне и частновладельческим господам. Им было изучено колоссальное количество грамот — все, что было опубликовано в то время. Разумеется, труд Панченко не свободен от натяжек, преувеличений, что характерно для большинства историков, выступавших с новой концепцией. Но такие же натяжки и преувеличения, даже в гораздо большем масштабе, имеются и в трудах его противников. Панченко обвиняют в «общинобязни». Но с еще большим правом можно обвинять его противников в «общиномании». Так, например, Панченко совершенно прав, не видя в приговоре, под которым подписались крестьяне-парики села Дрианувена, свидетельства того, что они будто бы «распоряжались своей землей» и были общинниками. В документе говорится только о том, что

¹³ Б. А. Панченко, Памятник славян в Вифинии VII века. — ИРАИК, т. VIII, 1902, стр. 35.

землевладелец, выкупив земельный участок от одного парика, пожертвовал его монастырю, а крестьяне решили освободить монастырь от налога на этот участок и перенесли подать на себя. И больше нет ничего, что бы говорило об общинной собственности. Панченко не отвергает возможность существования в данном месте общины, но он правильно утверждает, что этот документ, к сожалению, ничего не говорит об общине: нет ни должностных лиц общины, *протоиереев*, ни выборных, ни указания, что земля принадлежала общине («Крестьянская собственность...», стр. 178).

Критические положения Панченко большей частью безукоризненны. Сторонники общинной собственности действительно видели часто в источниках то, чего на самом деле не было. Как и всякое крупное открытие (каким являлось введение изучения крестьянской общины в историю), общинная теория сделала достоянием широкой массы историков и основной «школы» с неизбежными преувеличениями и увлечениями, характерными для всякой «модной теории». Разумеется, Панченко не первый начал выступать против общинной теории — на Западе уже давно существовала школа Фюстель де Куланжа. В русском византиноведении общинная теория подогревалась славянофильскими традициями, но на Западе юридическая школа Монье не могла не видеть искусственности построения теорий об общинном землевладении в Византии. Некоторые критические замечания в адрес этих теорий делались и Безобразовым¹⁴. Теория общинного землевладения возникла не в результате глубокого анализа источников, а под влиянием господствовавшего на Западе направления историографии и под сильным влиянием примера русской общины. Основоположник теории — немецкий академик (в то же время и член Российской академии наук) Карл Цахариэ фон Лингенталь не подкрепил свою гипотезу об общинности византийской деревни солидными доводами, а относительно влияния славянского права он ограничился только одной вскользь брошенной фразой. Как писал Панченко, «суждено было, что взгляды Цахариэ получили, без надлежащего противовеса, распространение в обществе, для которого после Греции византиноведение имеет наиболее жизненное значение. Не кто-либо меньший, но В. Г. Васильевский воспринял и пустил их в оборот»¹⁵. Поскольку теория общинности византийской деревни построена была исключительно на факте отличия Земледельческого закона от Юстинианова права и на гипотезе о широких социальных реформах иконоборцев, Панченко поставил себе целью подробно разобрать все доводы Цахариэ и Васильевского, в основном базируясь в первой части своего исследования только на Земледельческом законе. Вся работа Панченко носит ярко выраженный критический характер против господствующей школы, которую считали «русской»¹⁶.

Вопрос об общинном землевладении не может быть вопросом методологии; это вопрос о конкретных экономических фактах данного периода и в данной стране. По Ф. Энгельсу, общинное землевладение могло сохраниться вплоть до XIX в., но могло и очень скоро попасть под влияние римского права¹⁷.

¹⁴ См. Б. А. Панченко. Крестьянская собственность..., стр. 159, прим. 4.

¹⁵ Там же, стр. 44.

¹⁶ Именно это выступление против господствующей теории вызвало обвинение Панченко в том, что он пытался «подвергнуть ревизии прочно установившиеся взгляды» (В. Сиротенко. — «Уч. зап. Пермского гос. ун-та», т. 12, вып. 4, 1959, стр. 100). Если бы в историографии не появились ученые, которые не боялись выступать против «прочно установившихся взглядов», историография и поныне находилась бы на позициях блаженного Августина.

¹⁷ Ср. Ф. Энгельс. Марка. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 19, стр. 333.

Те неправильные выводы, к которым пришел Фюстель де Куланж при анализе франкского общества, развивавшегося на почве погибшей западноримской государственности и сильного влияния вышедших из родового быта племен, ставших хозяевами страны, — те самые выводы могли быть совершенно правильными для Византии, где государственность с центральным правительством, с действующим правом, покоящимся на римском законодательстве, сохранилась и где поселившиеся на ее территории племена оказались не хозяевами страны, а подвластным, ассимилируемым крестьянством. Теория Панченко органически связана со спецификой Византии. Признание господства частнособственнических отношений в Византии имеет, по мнению Панченко, особое значение при определении специфики Византии по сравнению со странами Запада («Крестьянская собственность...», стр. 230).

Как и всем позитивистам, Панченко свойственна была тенденция объяснять политическое влияние непосредственно экономическими причинами. Например, о влиятельности императрицы Феодоры Панченко пишет: «Изучение размеров и устройства частной собственности Феодоры, управления *curatores domus Augustae* могло бы указать одну из причин могущества Феодоры, — но у нас в руках немного данных» (ВВ, III, стр. 108). И далее, коснувшись сведений об имуществе Феодоры, он утверждает: «Частное имущество ведомства *domus Augustae* и слагавшиеся на почве материальной зависимости отношения массы лиц к Феодоре составляли первое условие ее могущества» (там же, стр. 109).

Нужно отметить, что в своей терминологии Панченко отдавал дань современным ему идеалистическим концепциям. Он писал: «Основной идеей аграрной истории Византии должна быть частная собственность». Таким образом, частная собственность представляется как идея. Однако, ближе ознакомившись с содержанием труда Панченко, мы приходим к выводу, что, говоря о частной собственности в Византии, он имел в виду обычные имущественные отношения, закрепленные длительным действием римского права. Нигде он не противопоставлял и не противопоставлял идею общинной собственности. Он даже не приводил положений римского права о частной собственности, а говорил только о фактических имущественных отношениях. Можно даже прийти к выводу, что Панченко приближался к правильному пониманию происхождения идей. Он писал: «Ни одной строчкой нельзя пренебрегать, всякое невероятное известие следует объяснить как продукт известного настроения и по возможности указать, из каких кругов общества оно исходит» (разрядка моя. — М. С.). Этот характерный для Панченко метод отмечал Ф. Успенский (ВВ, XXIV, 1923—1926, стр. 96).

Однако совершенно справедливо обвиняли Панченко в том, что он не использовал множество других источников — литературных, юридических, не дал всестороннего освещения общества, которому он приписывал как основную идею частную собственность. Это сознавал сам Панченко. В заключении к своему труду о крестьянской собственности он писал о необходимости создания с привлечением законодательных и литературных источников истории аграрного и социального строя Византии. Но к составлению такой истории Панченко так и не приступил. Эта незавершенность исследований Панченко в области аграрной истории Византии послужила причиной противоречивых оценок Панченко в советской историографии. Наряду с признанием серьезных заслуг ученого, имеется множество указаний на недостатки его основного труда о крестьянской собственности. Нужно отметить, что в связи с теми общими условиями, в которых развивалась наша византистика в 40-х и начале 50-х годов, оценка научного наследия Панченко была более критической, чем в наши дни. Это мы видим на

отношении к некоторым теориям Панченко Е. Э. Липшиц, которая отказалась поддерживать теорию переделов, и особенно А. П. Каждана, ранняя работа которого («Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв.») содержит ряд критических замечаний в адрес Панченко, в то время как в более позднем его исследовании «Деревня и город в Византии IX—X вв.» акцентируется внимание главным образом на достоинствах трудов Панченко (стр. 24—26).

Мы считаем необходимым для правильной оценки наследия Панченко разобрать те указания на недостатки его как историка, о которых писалось главным образом в работах 40-х и начала 50-х годов.

Панченко обвиняли в том, что он не применял в своих исследованиях широкого сравнительно-исторического метода. Но это неверно. В отношении крестьянского землевладения Панченко постоянно проводил сравнение византийских условий с западноевропейскими («Крестьянская собственность...», стр. 64). Однако он не соглашался прибегать для изучения византийских аграрных условий, имевших тысячелетнюю давность, к сравнениям, заимствованным из условий первобытного общества. И нужно думать, что такой подход, именно учитывая специфику Византии, является более научным, чем стремление всюду пользоваться примерами из незапамятных времен, которые для трудовой византийской деревни были давным-давно пройденным этапом.

Совершенно не аргументируются обвинения Панченко в том, что он придерживался теории «извечности капитализма»¹⁸. Ни теории извечности капитализма, ни даже теории извечности частной собственности (которая, как известно, вовсе не является признаком капитализма) у Панченко и в помине нет. Нигде Панченко не пытается доказать, что собственность у крестьян всегда была частной. Как позитивист, он не старался проникнуть в глубину вопроса о происхождении общины с незапамятных времен. Он имел в виду только византийскую общину.

По мнению А. П. Каждана, у Панченко полностью отсутствует историчность, он будто бы «не замечал никакого движения, развития византийской аграрной истории»¹⁹. Обвинение Панченко в недостатке историчности совершенно непонятно: Панченко больше всего говорит о борьбе крестьян с сеньориальными притязаниями на их частную собственность, о постепенном торжестве крепостного права, о развитии владения землей, основанного не на частной собственности («Крестьянская собственность...», стр. 220). Наоборот, мы можем заключить, что Панченко прекрасно понимал необходимость историзма в исследованиях. Он, например, обвинял Дана в том, что при изучении мировоззрения Прокопия тот не учитывал среды, в которой развились взгляды Прокопия: «Мировоззрение Прокопия получается отвлеченным от среды, в которой оно было воспитано»; Дан «не применяет исторического метода изучения, разбирая внутренний мир Прокопия как психологическую загадку» (ВВ, II, 1895, стр. 24).

Основной недостаток Панченко А. П. Каждан видел в том, что «его интересует не реальная историческая действительность, а титул собственности»²⁰. Это совершенно несправедливое обвинение: Панченко интересуется вполне реальными явлениями — фактами отчуждения земли крестьянами,

¹⁸ См. З. В. Удалцова. Из истории русского буржуазного византиноведения. — ВВ, XX, 1961, стр. 50—51; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 62. «Попытки Б. А. Панченко доказать извечность крестьянской частной собственности на землю» Литаврин называет «реакционной теорией». Но нет ссылки: где, на какой странице Панченко развивал такую теорию.

¹⁹ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии в XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 24—25.

²⁰ Там же, стр. 12.

фактами наступления вотчинной собственности на права крестьянской собственности. Иначе в специальной монографии, которая посвящена крестьянской собственности, обсуждение и не может быть построено!

А. П. Каждан считал, что Панченко не понял присущего сельской общине дуализма — сочетания элементов общей и частной собственности. Но как раз об этом и пишет Панченко, утверждая, что каждое село имело в общем владении выгоны и угодья; именно это и есть сочетание частной собственности с общей.

А. П. Каждан обвинял также Панченко в том, что своим признанием наличия крестьянской частной собственности он переносил явления современности на историю прошлого. Но в таком случае гораздо более естественным было бы обвинить в этом самого Юстиниана, который «категорию современного общества» — частную собственность — перенес на Византию VI века!

Для характеристики Панченко как историка необходимо выяснить его отношение к вопросу о феодализме в Византии. Существует установившееся мнение, что Панченко не признавал наличия феодализма в Византии²¹. Это мнение кажется совершенно непонятным. Повсеместно в своем труде Панченко пользуется феодальной терминологией («ленный рыцарь Сиргари», «сеньор», «terra indominicata» и др.); он говорит о «столкновении сеньориальных прав монастыря с личной и наследственной собственностью париков» («Крестьянская собственность...», стр. 98).

Панченко не занимался специально проблемой византийского феодализма, но он изучал институты феодального общества, пытался, хотя и мимоходом, говорить о сущности пронии и иммунитета в Византии, о правах на землю зависимых крестьян.

А. П. Каждан усматривал доказательство непризнания Панченко феодализма в Византии в его положении о том (см. там же, стр. 220), что частная собственность крестьян в поздней Византии существовала в той же форме, что и в Римской империи по римскому праву. Но если Панченко говорит, что в византийском селе были такие же формы крестьянской собственности, как и во время Римской империи, то в этом нет еще никакого отрицания феодализма: парцеллярное крестьянское землевладение могло существовать при всех формациях²². Наличие свободного мелкого земледельческого хозяйства, мелких вотчинников во времена феодализма — удостоверенный факт. Панченко считает это спецификой Византии, но далеко не абсолютизирует данную форму, не распространяет ее на всю Византию. Панченко заострял свое внимание на проблеме крестьянской собственности, но там, где его рассуждения касались феодальных институтов — пронии и иммунитета, его анализ полностью перекликается с рассуждениями византинистов нашего времени.

Совершенно неприемлемо утверждение, что Панченко будто бы отрицал существование в Византии крепостного права, признавая только фискальную зависимость²³. Ничего подобного у Панченко нет. Панченко усматривает отсутствие крепостного права там, где оно еще не образовалось, и признает наличие его там, где оно уже господствовало. Можно даже сказать, что, наоборот, у Панченко мы находим самое четкое признание победы в Византии крепостного права. «Образуется класс присельников, в 14 веке составлявший главную массу крепостного населения», — пишет он

²¹ См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии..., стр. 13, 15.

²² См., например, К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 819.

²³ А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии..., стр. 15. В более позднем труде А. П. Каждан не повторяет этого обвинения.

(«Крестьянская собственность...», стр. 220). «Минекийские акты показывают полное господство крепостного права» (там же, стр. 192).

Мы считаем долгом историографии устранить те неправильные положения, касающиеся взглядов Панченко, которые создавали совершенно превратное представление у советской общественности об этом крупном буржуазном византинисте. Вместе с тем нужно признать, что, подобно другим буржуазным историкам, Панченко не мог понять сущности феодализма — феодального способа производства. Развитие феодальных отношений он понимал только как количественное уменьшение частной собственности крестьян под влиянием: а) пожалования земли, населенной крестьянами, пожалования поземельного налога в пользу землевладельца, пожалования права патроната над населением (прония); б) развития присельничества; в) податного обложения и прямого вмешательства администрации при переписях (там же, стр. 230).

Панченко не задавался целью проследить причины появления крепостничества в Византии и считал неясным, могли ли именно эти факторы привести к образованию крепостной общины на последнем этапе существования Византии (там же, стр. 230).

Центральным звеном труда Панченко является критика господствовавшей тогда безраздельно теории Цахариэ фон Лингенталь, расширенной и развитой В. Г. Васильевским и Ф. И. Успенским. Панченко последовательно обрушивается на отдельные положения этой теории. Не желая выставлять на первый план В. Г. Васильевского, чья память была особенно дорога всем византинистам, Панченко разбирает положения Цахариэ, а Васильевского упоминает только попутно ²⁴.

Главные возражения Панченко таковы.

1. Цахариэ фон Лингенталь и В. Г. Васильевский считали, что до того времени, как был произведен раздел, земля находилась в общем хозяйственном пользовании. Панченко просто «отказывается понять», что это значит. Охотно признавая, что рядом с личной собственностью могла быть и неразделенная земля, Панченко не допускает первоначального вполне общинного землепользования. Он делает вид, что ему неизвестна история возникновения общины. Разумеется, Панченко не прав, когда вообще отвергает возможность существования полностью общественного хозяйства, если речь идет о примитивной общине. Но он вправе не допускать существования такого хозяйства в Византии, где крестьянская община далеко не была примитивной, а имела тысячелетнюю историю развития.

2. И Цахариэ фон Лингенталь, и Васильевский рассматривали византийскую деревню по образцу русской, с общинным землевладением и периодическими переделами. Панченко совершенно резонно спорит с Цахариэ по поводу возможности переделов. Он указывает на то, что передаваемые Земледельческим законом участки не есть полосы, жеребья в общем поле, а являются самостоятельными хозяйствами («Крестьянская собственность...», стр. 36). Это хозяйства с долговременными культурами (виноградники). Панченко указывает на непреодолимую трудность толкования по Цахариэ ст. 8 Земледельческого закона. Как можно лишить

²⁴ Критика положений Ф. И. Успенского у Панченко еще осторожнее: например, он не критикует прямо тезис Ф. Успенского относительно понимания слова «эпики», которое тот относил только к свободному населению, но приводит яркие примеры из монастырских актов, доказывавших, что эпиками называлось население вообще — и свободное, и зависимое («Крестьянская собственность...», стр. 122, 150, 191). Это было явной критикой Успенского, но без упоминания его имени. Весь труд Панченко направлен был против концепции Успенского, но в максимально тактичной форме. Это было понятно, поскольку Успенский являлся начальником и руководителем Панченко.

массу крестьян их хозяйства по требованию одного человека? Ведь участки заняты долговременными ценными культурами, частично сданы в аренду. Совершенно правомерно Панченко считает, что ст. 8 не свидетельствует о периодических переделах, но имеет в виду случаи несправедливости при произведенном дополнительно разделе. Он полагал, что в ст. 8 речь идет о переходе неразделенной земли в полную собственность и о возможных спорах при таком переходе (там же, стр. 38).

В настоящее время никто из византинистов уже не говорит о периодических переделах в византийской деревне ²⁵.

3. Основная теория Цахариэ фон Лингенталя была связана с его пониманием сущности борьбы в иконоборческий период истории Византии. Земледельческий закон свидетельствует, согласно Цахариэ, о том, что иконоборческая династия произвела широкие социальные реформы: отменила закрепощение крестьянина, даровала свободу перехода, снизила ренту. Эти реформы, по мнению Цахариэ, сильно повредили интересам землевладельческой знати, чем и обусловлена сильная реакция против иконоборчества, против тех мероприятий, которые были рассчитаны на подъем крестьянского сословия. Панченко выступил против этой теории в целом и по каждому отдельному ее положению.

Панченко находил, что для отнесения Земледельческого закона ко времени правления иконоборческой династии нет никаких данных. Он справедливо требовал аргументации положения, что Земледельческий закон — акт Льва III. Все приводимые доводы могли подходить и для конца VII в. Кроме того, выдвинуто было важное соображение: если говорить о славянском влиянии на Земледельческий закон, то это свидетельствует скорее о VII в., а не об иконоборческом периоде, когда императоры обратились к традициям Малой Азии («Крестьянская собственность...», стр. 30). Вопрос этот не разрешен и в настоящее время. Если исходить из внутривизантийской обстановки Византии, то Земледельческий закон с одинаковой вероятностью может быть отнесен и к первой половине VIII и к концу VII в.

Касаясь мысли Цахариэ о том, что Земледельческий закон предоставил крепостному крестьянину право перехода, Панченко утверждал, что свою теорию Цахариэ создал под влиянием господствовавших тогда в историографии учений о средневековой общине, и особенно об общинности у славян. К тому же Панченко обвинял Цахариэ, что тот намеренно пользовался текстом позднейших списков Закона, не обращая внимания на древнейшие. Попытка Цахариэ видеть в Земледельческом законе крупных землевладельцев и экономически зависимых от них крестьян глубоко и основательно раскритикована Панченко. Правоту Панченко признает и Липшиц («Очерки...», стр. 74).

Острый анализ Панченко опроверг утверждения Цахариэ о том, что крестьянин получал право перехода при условии, если он вознаградит своего господина. Панченко резонно спрашивал: «Кто этот Gutsbauer, который получил в качестве лена verliehene Land, участок земли, и кто этот помещик?» Он совершенно справедливо замечает, что в данных статьях § 11—16 налицо простая аренда, причем землевладельцем был такой же крестьянин. В Земледельческом законе нет речи о землевладельце высшего состояния («Крестьянская собственность...», стр. 31).

Панченко выступил, таким образом, против положения Цахариэ и Папа-ригопулу об отмене иконоборцами крепостного права, — положения, которое получило широкое распространение. Из того, что крестьянин-аренда-

²⁵ Ср. А. П. К а ж д а н. Деревня и город..., стр. 31; Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки..., стр. 69.

тор должен был вознаградить крестьянина—собственника земли в случае нарушения аренды, Чахариэ делал вывод об отмене крепостного права иконоборцами-императорами (см. там же, стр. 32). Критика Панченко оказалась убийственной, и больше эта теория в солидных трудах не появлялась.

Из того, что в Земледельческом законе ничего не говорится о патронате, вовсе не следует, что иконоборцы его отменили, как думал Чахариэ (см. там же). Положение Панченко вполне научно: уже до издания Земледельческого закона ни крепостного права, ни патроната в тех деревнях, к которым обращен данный закон, не было (там же, стр. 33).

Панченко оставляет открытым вопрос, существовало ли зависимое состояние крестьян в Византии во время появления Земледельческого закона. Критикуя Васильевского, который признавал социальные реформы иконоборцев, Панченко писал: «Крестьянский закон вовсе не говорит, что в Византии вовсе не было зависимых, что они были освобождены законом... Они могли существовать, только закон ничего о них не говорит» (там же, стр. 46).

Безусловно прав Панченко, отвергая теорию Чахариэ и Васильевского о том, будто введением морты — десятины—была снижена рента, что якобы принесло облегчение крестьянству, поскольку первоначально рента достигала $\frac{1}{6}$. Панченко показал, что положение об одной шестой вовсе не относится к византийской деревне.

Приступая к центральному вопросу — об отношении Панченко к общине. В нашей литературе сложилось определенное мнение, что Панченко полностью отрицал существование общины в Византии. Однако в труде Панченко о крестьянской собственности мы вряд ли можем найти этому подтверждение. Прежде всего нужно оговориться, что такое мнение о Панченко возникло уже сразу же после появления его труда. Под общиной понимали русскую общину с миром и периодическими переделами. Существование именно такой общины в Византии действительно отрицал Панченко. Но следует ли под названием «община» принимать только такую общину, которая существовала в России? Мы знаем, что первобытная община прошла различные стадии развития, от общины с коллективным хозяйствованием до общины с индивидуальными хозяйствами частных собственников при наличии общинных лугов и выгонов, а в некоторых случаях, при соответствующих условиях, вплоть до городской общины частных собственников. Таким образом, пользуясь термином «община», нельзя смешивать понятие «община» с понятием «общинная собственность». И кроме того, чтобы уяснить позицию Панченко, необходимо четко представить, понимается ли под словами «общинная собственность» собственность общины на всю землю, входящую в территорию данной деревни, или же только на используемые всей деревней общественные выгоны, леса, луга, т. е. то, что германисты называют термином «альменда».

Общая концепция Панченко, которую он развивал в своем труде, заключалась в том, что византийскую деревню он считал совокупностью индивидуальных частнособственнических крестьянских хозяйств при наличии земли, находящейся в собственности деревни в целом и состоящей из лугов, выгонов, лесов. По Панченко, это общинное владение имело «второстепенное, служебное назначение и носило характер предварительного, временного состояния территории... Это не нераздельная,¹ а неразделенная земля. Община оставляла за собой земли худшие, или отдаленные, выгоны и лесные угодья» («Крестьянская собственность...», стр. 84).

Если выразить это положение Панченко языком современной политической экономии, то его концепцию можно свести к признанию наличия в

Византии парцеллярного крестьянского хозяйства с необходимыми для такой системы общинными выгонами²⁶, т. е. к признанию существования своеобразной общины-«марки», с тою только особенностью, что индивидуальные участки находились в полной частной собственности крестьян. Как известно, «марковый строй приспособлялся к самым изменчивым отношениям владения возделанной землей»²⁷. Мы можем считать, что Панченко имел право на выдвижение своей теории именно с точки зрения специфики византийского крестьянского хозяйства: долголетние культуры (виноградники, оливковые деревья), требующие устойчивого хозяйства и любовного ухода, влияние римского права — все это создавало условия для торжества частной собственности на землю в византийской деревне при наличии находящихся в общем пользовании выгонов и лесных угодий.

Таким образом, обвинение Панченко в том, что он отвергал вообще существование общинной собственности, является совершенно необоснованным²⁸. Панченко признавал существование неразделенных выгонов и угодий несомненным, однако он указывал, что таковые имелись не только в любой римской колонии, в любом средневековом городе, но и в большинстве современных городов, владеющих недвижимостью («Крестьянская собственность...», стр. 50). Поэтому существование такой неразделенной собственности ничего не говорит о наличии общинной собственности на участки индивидуальных хозяйств крестьян²⁹.

Еще более непонятным является утверждение, что Панченко не признавал существования общины и общинных порядков в Византии. Панченко четко определяет общину как юридическое лицо, как корпорацию, являющуюся собственником земли, пока еще не поступившей в собственность отдельных членов общины. Это можно сказать и о любой римской колонии, муниципии, имевшей *ager ad pascendum communiter vicinis* (там же, стр. 34).

Мы должны, однако, заметить, что Панченко слишком недооценивал наличие неразделенной земли в собственности деревни: он мало говорит о лугах, общинных лесах и т. д., считая эти владения второстепенными. Но без общинных пастбищ и лугов вообще не может существовать мелкое крестьянское хозяйство. Именно эта недооценка общинных неразделенных земель и вызвала представление о Панченко как историке, полностью отрицавшем общину и общинную собственность.

Большое внимание Панченко придает терминологическим изысканиям. Он считает, что термин *κοινός* равнозначен *publicus*, т. е. говорит о собственности села как юридической личности (там же, стр. 67).

²⁶ См. К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 820: «Свободная собственность крестьян, ведущих самостоятельно свое хозяйство [selbstwirtschaftend], есть очевидно самая нормальная форма земельной собственности для мелкого производства, т. е. для такого способа производства, в котором обладание землей есть условие принадлежности работнику продукта его труда... Собственность на землю так же необходима для полного развития этого способа производства, как собственность на инструмент для свободного развития ремесленного производства». Далее К. Маркс говорит об «общинной собственности, которая повсюду образует второе дополнение парцеллярного хозяйства и только и дает ему возможность содержать скот».

²⁷ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 19, стр. 337.

²⁸ Ср. БСЭ, т. 32, стр. 17: «Панченко пытался доказать отсутствие общинной собственности в византийской деревне».

²⁹ Панченко совершенно четко определил смысл слов § 32 Земледельческого закона «в неразделенном месте» (ἐν τόπῳ ἀμερίστῳ). Он видел в них доказательство существования как неразделенной земли, так и разделов этой неразделенной земли. Он считал, что в статье 8 говорится о превращении неразделенного пастбища или леса в индивидуальную пашню. Это — превращение неразделенной территории в территорию частной собственности.

Слово *κοινότης* Панченко понимал как *universitas*, а не как наименование общности землевладения, и поэтому *κοινωνοί*, по мнению Панченко, не могли служить доказательством существования общины как собственности на участки земли индивидуальных хозяйств (там же, стр. 51). Слово *ομάς*, по мнению Панченко, выражает только понятие «земской административной единицы» и ничего о форме собственности говорить не может.

Разумеется, эти терминологические экскурсы не могут служить точным доказательством правоты теории Панченко, однако нельзя не признать возможность подобного толкования, и, таким образом, те места из Земледельческого закона, которые считались Цахариэ фон Лингенталем основой его общинной теории, не могли служить препятствием для концепции Панченко.

Можно считать, что Панченко совершенно прав, обвиняя Цахариэ в недостаточном внимании к влиянию действующего римского права (там же, стр. 39). Классики марксизма никогда не забывали о его воздействии: Ф. Энгельс в «Марке» говорит о значении того обстоятельства, что на территории римской империи «много столетий земля была частной собственностью (и притом римской, неограниченной)», и считает эту собственность «укоренившейся формой владения»³⁰. Разумеется, кое-где, в захолустьях средиземноморского мира, и могли существовать примитивные формы землепользования, однако Земледельческий закон относился к местности, включенной в районы влияния действующего права.

Основной целью Земледельческого закона Панченко считал охрану крестьянской мелкой собственности в тех случаях, которые не предусмотрены были в официальных кодексах (там же, стр. 58).

Панченко приписывают теорию фискального происхождения общины³¹. Однако Панченко имел в виду только то, что сельский район представлял собой податную единицу со всеми вытекающими из этого следствиями. О сельском районе как податной единице с полной четкостью говорит и «Податный устав». Что касается вопроса о происхождении общинного землевладения, то Панченко, наоборот, считал, что налоговый гнет никогда не приводит к общинной собственности. Он даже обратился к примеру куриалов позднеримской империи: податной гнет и круговая порука во все не привели курию к общинной собственности! («Крестьянская собственность...», стр. 52).

Но зато Панченко постоянно высказывал мысль о консервирующем характере тягла: именно не развитие общинного землевладения, а появление зависимого землевладения и крепостничества являлось результатом податного обложения. От этой теории мало отличается современная точка зрения, касающаяся роли «централизованной ренты» в деле закрепощения крестьянства. Ведь так называемая «централизованная рента» фактически является гнетом фискальным, и, следовательно, теория «централизованной ренты» созвучна со взглядом Панченко на роль «тягла» в процессе закрепощения крестьянства.

Собственно говоря, основной тезис Панченко, по сути дела, принят в настоящее время советским византиноведением.

Е. Э. Липшиц, одно время выступавшая за признание наличия в византийской деревне общинной собственности на пашню и индивидуальных посевных площадей, вплоть до возможностей периодических переделов³², в последнем своем труде фактически приблизилась к концепции Панченко.

³⁰ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 19, стр. 333.

³¹ Е. Э. Липшиц. Очерки, стр. 10, прим. 23.

³² Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. — ВС, 1945, стр. 120.

Она говорит, что анализ данных Земледельческого закона, проделанный в последнее время советскими исследователями, показывает, что в этом памятнике нашла свое отражение лишь самая поздняя ступень в развитии общины, аналогичная той, которая известна на Западе как территориальная община-«марка». В общине, известной нам по данным Земледельческого закона, от общинной собственности, бывшей некогда в родовой общине всеобъемлющей, сохранились лишь остатки в виде собственности на общинные угодья, в виде большой роли «мира» и т. д. Эти остатки общинной собственности сочетались с индивидуальной собственностью крестьян на отдельные участки³³. Чем же отличается положение Липшиц о крестьянской собственности по Земледельческому закону от соответствующих положений Панченко? Е. Э. Липшиц указывает, что в Земледельческом законе отражена лишь самая поздняя ступень в развитии общины. Безусловно, Панченко не писал о том, на какой стадии развития находилась византийская община, — он изучал только крестьянскую собственность в Византии и не ставил задачей изучение генезиса общины. Что же касается происхождения поздневизантийской крепостной общины, то Панченко не считал вполне ясными причины ее происхождения, однако он признавал «появление зависимого владения в пределах монастырской вотчины, ядра зависимой общины с наделами, обусловленными работоспособностью крестьянского двора, а не правами собственности, закрепленной казенными книгами официально» («Крестьянская собственность...», стр. 195—196).

Крупным недостатком труда Панченко является отсутствие попыток показать функции сельского «мира». Он не привлекал агриографический материал, в котором ясно говорится о наличии в общинах *протеботес*, и т. д. Возможно, эти сведения скудны, но тем не менее их можно присоединить к данным монастырских актов о коллективном свидетельствовании, о коллективном выступлении в защиту прав крестьян данного села.

Но суть вопроса в том, имела ли община права на индивидуальные участки крестьян.

Панченко, как признает А. П. Каждан, вполне доказал на широком материале, что византийский крестьянин обладал правом распоряжаться своим наделом: мог обменять, продать или передать его по наследству³⁴. Но если деревенский житель мог законным образом, с утверждением нотариата, продавать, обменивать, дарить, отдавать в приданое, завещать свою землю, в чем же мы можем усматривать «владение общины»? Если совершенно ясно, что крестьянин имел право распоряжаться своей частной собственностью, то, наоборот, совершенно непонятно, в чем выражалось «право» общины распоряжаться земельным участком крестьянина.

Существовали определенные ограничения в отчуждении земельных участков крестьянина. Однако имеющиеся в новеллах X в. запреты продавать землю динатам вовсе не указывают на право общины распоряжаться участками крестьянина: эти запреты устанавливались не общиной, а общеимперским законодательством, отменить которое община не могла; такие же регламентирующие продажу земли правила, как *протимесис*, тоже не давали общине никаких прав распоряжаться участками. Все ограничения устанавливались законом подобно тому, как с давних времен в римском праве устанавливались различные ограничения свободы завещания. Мы должны признать, что право на полное «распоряжение» землей частным лицом в пределах законодательства, вне всякого воздействия общины, Панченко вправе был назвать *частной собственностью*.

³³ Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки..., стр. 8.

³⁴ А. П. К а ж д а н. Деревня и город..., стр. 25.

Помимо прав на неразделенную территорию, которая несомненно, по Панченко, находилась в распоряжении общины, каждый крестьянин имел некоторые права, по выражению А. П. Каждана, «на чужую землю». Однако вряд ли в данном случае можно говорить о влиянии общинной собственности — все права, касающиеся пользования чужой территорией для выпаса скота, являясь обычными сервитутами по римскому праву (например, *servitus pascendi*) и никаких свидетельств о функции общины не дают. Нам думается, что для получения представления о функциях деревенской общины следует дать картину внутреннего управления римской колонии.

Панченко отрицает существование в византийской деревне круговой поруки, но выдвигает на первый план действие тяжелой для населения системы эпиболе, на основании которой законодательство привлекало соседей к обработке опустевших земель и платежу за них налогов («Крестьянская собственность...», стр. 86). При этом Панченко отмечает, что институт эпиболе построен не на началах общинного землевладения, а на основе личной собственности. Панченко напрасно, на мой взгляд, старается противопоставить круговую поруку системе эпиболе. Эпиболе и есть конкретное проявление системы круговой поруки. Обязательство восполнить налоговое обложение осуществлялось именно посредством системы эпиболе. Заставить платить крестьянина — значит дать ему для обработки больше земли. Необходимо; однако, отметить, что признание наличия или отсутствия круговой поруки или эпиболе не говорит ни за, ни против теории о наличии или отсутствии в византийской деревне общинной собственности на землю.

Более убедительно выглядит положение Панченко о том, что личная собственность на пашню в Земледельческом законе гарантирована тверже даже по сравнению с огородами и садами, которые находились всегда в полной собственности. Он подчеркивает, что крестьяне вольны распоряжаться своими пашнями на срок или навсегда без всякого участия общины, что невозможно было бы при наличии общинного землевладения (там же, стр. 75).

Панченко считает, что в Земледельческом законе наиболее четко проявляется принцип полной частной собственности — там нет никаких ограничений собственности в пользу общественных сооружений. На своей земле крестьянин-собственник может построить мельницу и не допускать никакого вмешательства односельчан в свое предприятие (ст. 79—81). Никакого отличия понятия *усадебная земля* от земли пахотной в Земледельческом законе Панченко не находит.

Термины *ἄλλότριος* и *ἴδιος* одинаково применяются и к виноградникам, и к пашням. Все ограничения частной собственности, которые встречаются в Земледельческом законе, Панченко считает относящимися к неразделенной или недавно разделенной территории («Крестьянская собственность...», стр. 71).

Соседские претензии принимаются в расчет, но, по разъяснению Панченко, это не претензии общины, а частного лица — соседа: это тоже интересы частной собственности.

В своей монографии «Деревня и город в Византии» А. П. Каждан считает недостатком Панченко то, что он не ввел в свое исследование новеллы X в. Но в этих новеллах в первую очередь говорится о том, как крестьяне в массовом масштабе продавали свои участки посторонним лицам. Это самое блестящее доказательство, неопровержимый довод в пользу Панченко, а не против его теории. Безусловно, эти факты массовой продажи земель лицам, не входящим в общины, как неоспоримые свидетельства существования у крестьян частной собственности на землю, не могут быть поко-

леблены некоторыми спорными по пониманию выражениями³⁵ новелл, которые иногда приводятся для поддержания теории отсутствия частной собственности на землю в византийской деревне.

В пользу теории Панченко свидетельствует и то, что новеллы не ссылаются на незаконность частной продажи общинных земель, а говорят об ограничении частной собственности крестьян на землю. Правительству, пытавшемуся сохранить свободную крестьянскую общину в интересах городской знати, тогда стоявшей у власти, важно было законодательным путем ограничить право свободного отчуждения крестьянами земель.

Документы более позднего времени также подтверждают положение Панченко если и не о повсеместном, то о частичном существовании частной собственности свободных крестьян. Много споров в литературе вызвало сохранившееся в документах дело о Гунаропулах³⁵. Попытки говорить о том, что с XIII в. земли Гунаропулов находились в общинной собственности, несмотря на то, что сохранились нотариально обставленные купчие на их землю, совершенно неосновательны. Гунаропулы продавали землю так же, как крестьяне в X в., притом продавали не своим односельчанам, а динатам — не членам сельской общины. И если возникло спорное дело о законности продажи земель, то не потому, что существовала общинная собственность, а вследствие неясности юридического статуса Гунаропулов.

По всем доводам, какие приводил Панченко в защиту своей теории, существует обширная литература, но в основном они остаются непоколебленными до настоящего времени.

* * *

Все это относится к проблеме частной собственности крестьян на землю. Но зато проблема общины как таковой, вне зависимости от форм землевладения, у Панченко разработана слабо. Он вообще не ставил целью изучать вопрос об общине, его интересовала лишь проблема собственности. Никаких попыток обрисовать функции «мира» византийского самоуправления Панченко не делал, и только в тех случаях, когда из факта присяги крестьян или жалобы сельчан некоторые историки неправомерно извлекали доказательства существования общинного землевладения, Панченко развивал острую и вполне справедливую критику.

Вопрос о внутренней сплоченности общины имеет исключительное значение при учете сопротивления византийского крестьянства процессам феодализации. Панченко весьма слабо коснулся этого вопроса. Так, он выдвинул положение о том, что в противовес римскому праву, которое прямолинейно считало, что всякое строение на чужой земле есть собственность землевладельца земли *superficies solo cedit*, Земледельческий закон фиксировал обычай, согласно которому учитывались права и труд предпринимателя на чужой территории³⁶. Совершенно не учитывал Панченко важного для утверждения обычного права влияния силы родственных уз, болше семейных отношений, которые были привнесены славянским элементом. Именно эти узы и отношения создавали особую сплоченность крестьянской общины, несмотря на то, что это были частные собственники парцелл. Их объединяла не общинная собственность (хотя наличие общинных

³⁵ ММ, IV, р. 85, 195 sq.

³⁶ Это положение Панченко развил А. П. Каждан («Деревня и город...», стр. 37, 38). Однако ни Панченко, ни Каждан, ни я («О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону».—ВВ, X, 1956, стр. 34) не принимали во внимание право *superficies* в целом, в частности противопоставление *superficies bona fide* — *per vim, clam, a precario*.

выгонов имело некоторую объединяющую тенденцию), но общий производственный интерес, общие интересы мелкого земледельческого хозяйства, гарантии простого воспроизводства и, в особенности, влияние не вполне забытых связей кровнородственного единства³⁷. На это не обращал внимания Панченко, который вообще мало интересовался народными массами.

Панченко полагал, что функции общины ограничивались распоряжением земельными угодьями, находившимися в общинной собственности, и что за пределами этого не было общинности. Это его глубокое заблуждение. Функции общины, всего населения села, могли быть очень значительными и разносторонними и в условиях частной собственности. Ф. Энгельс писал, что «по образцу маркового строя создавались уставы бесчисленных вольных товариществ средневековья, основанных не на общности землевладения³⁸. Средневековые цехи представляли собой сплоченные объединения мелких частных собственников. Цех, безусловно, не имел права лишить мастера его собственности — орудий производства, но у него были самые широкие права, регулирующие внутреннюю жизнь в цехе и регламентирующие производство. Подобные же функции имела и сельскохозяйственная община: Земледельческий закон давал общине широкие возможности вмешиваться в жизнь деревни, и нужно думать, что наблюдение за выполнением правил Земледельческого закона лежало именно на старшине — *протэов* — сельской общины. Более важные дела, вроде спора о границах села с соседями, решались при участии всего населения деревни. С тех давних пор, когда прекратилось общинное пользование землей и прекратились переделы, основная функция общины вовсе не связана была с распоряжением земельными участками — сплоченность села выражалась в гарантии беспрепятственного хозяйствования крестьянина на его парцелле и установлении тех взаимоотношений внутри населения села, которые соответствовали бы общим производственным интересам сельчан.

В связи с этим необходимо коснуться вопроса об отношении Панченко к славянскому влиянию на византийское сельское хозяйство. Здесь мы можем отметить порочные элементы методологии Панченко. Он искал доводов для признания славянского влияния исключительно в тексте Земледельческого закона и совершенно отвлекался от общеполитической обстановки в Византии VII—VIII вв. Панченко полностью отвергал мысль о славянском влиянии на обычное право, зафиксированное Земледельческим законом, поскольку прямыми показаниями источников это доказать невозможно. Но он не учитывал воздействия многочисленных поселенцев-славян, о расселении и об общинах которых на византийской территории Панченко сам писал в различных статьях³⁹. Именно этим отрицательным отношением к проблеме славянского влияния Панченко нанес больше всего вреда своей репутации как ученого, в силу чего стали игнорировать и положительные стороны его труда, его основную концепцию, мало связанную с теорией славянского влияния.

Если положения о частной собственности у свободного крестьянства аргументированы Панченко достаточно убедительно, то в вопросе о паричской собственности допускается много натяжек и неточностей. Панченко стремился доказать, что парики имели право на отчуждение своего имущества, своего земельного участка и тем самым могли передавать свое тягло другому лицу. Однако в вопросе о необходимости разрешения сеньора на такую сделку у Панченко нет ясности.

³⁷ См. мою статью «О характере и сущности византийской общины...», стр. 36.

³⁸ Ф. Энгельс. Марка.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 19, стр. 336.

³⁹ Б. А. Панченко. Памятник славян в Византии.

По Панченко, монастырь не отрицал за париками личной отчуждаемой и наследуемой родными собственности, но настаивал на сохранении единства территории и ее характера тягловой, служащей монастырю недвижимости, т. е. требовал, чтобы монастырь ни в коем случае не потерпел бы ущерба от сделки парика. Обвинение Б. Т. Горяновым Панченко в том, что тот отстаивал теорию о личной наследственной собственности париков⁴⁰, несколько неточно. Панченко не говорит, что после пожалования у париков сохранилась в полной прежней форме частная собственность, но пишет, что феодальные сеньоры присвоили себе право давать или не давать разрешение на продажу париком своего участка. Это, безусловно, уже не полная частная собственность.

Уже касаясь дела Гунаропулов в XII в., Панченко говорил о победе властельского землевладения над принципом частной собственности свободных крестьян. Несмотря на эти общие положения, Панченко стремился на многих примерах доказать существование наследственных владельческих прав париков. В своем изложении Панченко использовал территориальный принцип — рассматривал документы по отдельным местностям и отдельным монастырям за все время от XII до XV в. Это не дало ему возможности проследить хронологически процесс постепенной ликвидации частной собственности крестьян, охарактеризовать акт пожалования монастырю территории, населенной париками, или пожалование в пользу частного землевладельца или монастыря налога как грубый акт экспроприации крестьянской собственности и превращения крестьянина в зависимого человека. Панченко, однако, правильно показал направление процесса: наследственные участки переданных монастырю крестьян оставались землей париков, несущих тягло в пользу монастыря; земля, не населенная париками или же оставленная ими, находилась в хозяйственном использовании монастыря; кроме того, монастырская земля, не населенная париками, передавалась проскафименам — присельникам, но уже не на правах личной собственности, а на началах крепостного права, как надел в крепостной общине.

Из феодальных институтов Панченко останавливается на иммунитете и пронии. Что касается пронии, то Панченко недостаточно ясно представлял процесс ее возникновения. С одной стороны, он считал, что основой феодальных прав сеньора в Византии явилось пожалование телоса: «Сущность пронии заключается в уступке казною тягла париков, „телос“, с второстепенными повинностями» («Крестьянская собственность ...», стр. 141); «сущность прав на владение монастырем пожалованной территории состояла в предоставлении монастырю поземельной подати» (там же, стр. 105, 139). С другой стороны, Панченко считал, что основой феодальной собственности и закрепления крестьян явилось пожалование территории, а передача тягла была лишь результатом пожалования территории. «Государство, жалую территорию, уступает свои права на налоги от крестьян той территории. В пожаловании поземельной подати лежит корень монастырского иммунитета. Последствием и развитием пожалования территории является освобождение париков не только от основной поземельной подати в пользу казны, но и от всех по возможности государственных повинностей и сборов» (там же, стр. 105).

Необходимо заметить, что в вопросе о происхождении пронии Панченко как бы находится в кругу современных споров. В недавно вышедшей книге Б. Т. Горянов утверждает, что основой пронии было пожалование земли, в то время как согласно концепции А. П. Каждана основой пронии явилось предоставление посостис, т. е. количество налоговых поступлений

⁴⁰ Б. Т. Гор я н о в. Указ. соч., стр. 204.

(телоса). Нам кажется, что пожалование телоса имеет больше оснований считаться корнем монастырского иммунитета, — в настоящее время это наиболее аргументированная концепция; но примерно в таком направлении развивалось и большинство рассуждений Панченко.

При передаче монастырю или прониару телоса, по мнению Панченко, собственность крестьянина на земельный участок не затрагивалась: прониар или монастырь делался только представителем крестьян на суде, получал право патроната, но вместе с тем и право на выморочные участки. Но если сюда присоединить упомянутое Панченко присвоение прониарами и монастырем права согласия на сделки крестьянина в отношении земли, то утверение Панченко, что собственность крестьянина при передаче телоса будто бы не затрагивалась, теряет смысл.

Острогорский отмечает, что Панченко совершенно не углублялся в изучение вопроса о том, в чем же, собственно говоря, проявлялась власть прониара над населением вверенного ему округа⁴¹. Как указывали в своих рецензиях современники Панченко, его аргументация во второй части исследования значительно слабее, чем в первой⁴². Исследование кажется в некоторой степени незаконченным. Панченко построил свою вторую часть в виде анализа документов отдельных монастырей. Такой метод удобен для источниковедческого введения, но совершенно неубедителен для исследования сущности аграрных отношений. Он не попытался расположить материал в хронологической последовательности или же по категориям зависимого и свободного крестьянства, не учел влияния местных условий. Это справедливо дает повод говорить об отсутствии историчности в исследованиях Панченко⁴³. Цель Панченко во второй части его исследования — найти факты, которые свидетельствуют о наличии полной частной собственности. При этом Панченко считал, что если ему удавалось найти примеры, когда крестьянин мог продавать, приносить в дар, завещать принадлежащую ему землю, то это было доказательством существования полной частной собственности, независимо от того, в какой степени данный мелкий собственник эксплуатировался государством, церковью, прониаром. Разумеется, Панченко в этом прав: полная частная собственность мелкого хозяина может сочетаться с самой ужасной его эксплуатацией. Однако ученый анализировал период торжества феодальных институтов — иммунитета, прони, поземельной и личной зависимости крестьянства, причины же, самый процесс и пути установления таких отношений, какие нашел Панченко в актах Меникейского монастыря, их степень распространения в Византии не отражены в его монографии. Отсутствие анализа того, что представляла собой феодальная собственность в Византии XIII—XIV вв. и как она вытеснила, ограничила, видоизменила право крестьянина на полное распоряжение земельным участком, является главным недостатком труда Панченко, который не ставил перед собой задачи изучить судьбы мелкого собственника в зависимости от изменяющейся экономической и политической обстановки. Панченко не стремился дать полный анализ институтов прони и иммунитета: он только хотел показать, что в пронию отдавалась не пустующая земля, а земли крестьян-собственников: «крестьянские тягловые двory или стаи с их собственной землей»; «в кормление помещику жаловалось крестьянское тягло» («Крестьянская собственность ...», стр. 216—217). Панченко пришел к выводу, что в прониях не было безземельных крестьян; это, по его мнению, является доказательством того, что в пронию отдава-

⁴¹ G. Ostrogorski j. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles, 1954, p. 65, n. 1.

⁴² Иеромонах Михаил.—ВВ, XI, 1904, стр. 603.

⁴³ А. П. Каждан. Деревня и город..., стр. 24—25.

лись крестьянские дворы, а не лица. Панченко недооценивал то право на внеэкономическое принуждение, которое фактически получал проиор над личностью крестьянина. В этом аспекте Ф. Успенский был прав, указывая Панченко, что в его труде нет четкого разграничения свободного и зависимого крестьянина.

Е. Э. Липшиц, критикуя Панченко ⁴⁴, считает, что «вопрос об общине и формах собственности, господствовавшей в ней, не может быть разрешен в плане простого противопоставления двух взаимно исключающих друг друга форм собственности — общинной и частной, а может быть выяснен с учетом исторической борьбы одной с другой».

Однако можно ли вообще считать, что в Византии происходила борьба двух видов собственности — частной и общинной? Мне кажется, что в данном случае Панченко был прав: в источниках нет никаких данных, чтобы можно было говорить о борьбе за общинную или за частную собственность. В Византии, где господствовало право, основанное на частной собственности, и где частная собственность имела многовековые традиции, общинная неподделенная земля могла беспрепятственно превратиться в частную, подвергнувшись разделу. Происходила борьба, но не между частной крестьянской и общинной крестьянской собственностью, а между крестьянской и динатской собственностью, между свободным крестьянским землевладением и господским, монастырским, между крестьянской и сеньориальной собственностью. А результаты именно этой борьбы Панченко ярко обрисовал при анализе Меникейских актов.

Подводя итоги нашего анализа трудов Панченко, мы можем прийти к выводу: Панченко — идеологически и политически чуждый нашему времени автор. Однако его критическая мысль была очень полезной для своего времени, поскольку он произвел тщательный пересмотр установившихся концепций некоторых проблем внутренней истории Византии. Безраздельно господствовавшая до выступления Панченко доктрина Цахариэ — Васильевского — Успенского имела немало поспешных, неаргументированных положений, иногда отдававших духом старого славянофильства. Выступление Панченко заставило пересмотреть позиции старой школы и тем самым углубить изучение внутренней истории Византии.

Вряд ли в наше время можно отвергать основной результат исследований Панченко, заключающийся в выяснении того, что византийская деревня в период VII—X вв. представляла собой поселение крестьян — мелких частных собственников, объединенных коллективной собственностью на неразделенную землю, и что в поздней Византии частная собственность крестьян еще спорадически сохранялась, но в силу победы феодальных институтов переходила в состояние зависимости, сохранив, однако, значительные права крестьян на распоряжение своими участками. Таково положительное ядро исследований Панченко. Сам же Панченко видел только негативный результат своего труда: «Мы не встретили в документах ни одного известия об общинном землевладении, в смысле прав общинного союза на участки хозяев» («Крестьянская собственность...», стр. 230). Последнее замечание Панченко часто забывают, и о нем распространялось мнение, как об ученом, отвергающем общину вообще, тогда как он имел в виду только такую общину, которая в силу своих прав на землю могла распоряжаться пахотной землей и усадьбами хозяев.

Мы полагаем, что смогли преодолеть те неправильные представления о Панченко, которые вкрались в нашу литературу. На наш взгляд, Панченко правильно подошел к разрешению ряда вопросов по внутренней истории Византии и правильно понял специфику Византии в период перехода от рабовладельческого к феодальному строю. Несмотря на то, что Панченко писал 60 лет назад, поднятые им проблемы и решение их в некоторой мере вполне созвучны тематике исследований и в наши дни.

⁴⁴ Е. Э. Л и п ш и ц. Очерки..., стр. 8.